

А. Копытин

И ЗА ГОРИЗОНТОМ ОПЯТЬ ГОРИЗОНТ

По призыву комсомола в августе 1928 года на Камчатку, на пароходе «Нева», прибыло 60 учителей, в том числе и я. Мы с женой получили направление в Тигиль, но так как больше в этом году пароходов в Тигиль не было, нас назначили в Петропавловский район. Ее — в Верхне-Камчатск, а меня — во вновь открываемую школу в селе Шаромы. Здание школы еще не было готово. Попросили на время отдать под школу здание часовни, обещая, что с окончанием строительства школы освободим его. В этом была одна маленькая хитрость: перейдя в новое здание школы, в часовне мы открыли бы клуб. М. Г. Логинов, церковный староста села Шаромы, съездил в Мильково к попу и, конечно, получил от него указание часовню не отдавать. Логинов тогда дал нам свой дом под школу.

Начались занятия. Впервые в селе со времени его основания появилась школа. Сколько было радости у малышей и родителей! Надо сказать, что Шаромы были как-то обделены: во всех селах долины были телефоны — в Шаромах не было, во всех селах были школы — в Шаромах не было. Зато не во всех селах были часовни, в Шаромах же была.

С началом работы школы жизнь в селе изменилась. Надо заметить, что в то время на всей Камчатке была вопиющая неграмотность. Даже в таком большом селе, каким в то время было Мильково, 80—90 процентов населения, в особенности женщины, было неграмотным.

К Петропавловскому району тогда относилась огромная территория. В него входили полностью территории, на которых теперь расположены Мильковский, Елизовский районы, Командорские острова. До 1933 года центр Петропавловского района находился в городе Петропавловске. Председателем райисполкома был тов. Козлов. В 1930 году центр района был перенесен в Елизово, и председателем райисполкома стал Герасим Иванович Тюменцев. Потом организовался Мильковский район с центром в селе Мильково, а Петропавловский остался с центром в селе Елизово.

Два раза в год: зимой — на собаках, а летом — на лошадях руководящие работники райисполкома приезжали в село Петропавловского района, проводили собрания, решали все вопросы. Надо сказать, что райкомов партии и комсомола тогда не было. До 1930 года в селах района не было партийных организаций, и коммунисты были только в селах Ели-

Автор публикуемых воспоминаний, Александр Михайлович Копытин, в конце двадцатых годов по призыву ленинского комсомола приехал, в составе группы молодых учителей, на Камчатку. Работал в Шаромской школе, затем возглавлял школу в Мильково. По сути, в обеих школах он был первым советским учителем, учителем-комсомольцем.

Александр Михайлович оставил о себе добрую память в нашем районе. И не только как воспитатель юного поколения жителей Советской Камчатки, но и как активист-общественник, как проводник идей Коммунистической партии на далекой российской окраине.

Позднее А. М. Копытин был на партийно-советской работе. Он основатель и первый директор Петропавловск-Камчатского морского рыбопромышленного техникума — кузницы рыбацких кадров области. Последние годы своей жизни персональный пенсионер А. М. Копытин провел в городе Липецке.

Его воспоминания о жизни и быте населения района в конце 20-х годов, о становлении в долине Камчатки Советской власти представляют несомненный интерес.

зово и Мильково, да один в с. Паратунке. Комсомольские организации были в Мильково и Елизово. Всю работу по линии партии и комсомола проводили работники райисполкома. В штат райисполкома в 1930 году входили: председатель райисполкома Г. И. Тюменцев, житель села Паратунка; заместитель председателя, он же начальник районной милиции, он же милиционер Николай Иннокентьевич Колесов, житель села Мильково; еще один заместитель — Еланцев, также мильковчанин; инструктор райисполкома Владимир Подкорытов (потом его избрали председателем райисполкома на Чукотке, а вместо него инструктором стал работать я). Затем, в 1930 году, в сентябре месяце, я стал работать заведующим впервые организованным отделом народного образования Петропавловского района.

Еще в штат райисполкома входили заведующий райфинотделом тов. Хабаров и секретарь-машинистка. Вот и весь аппарат на такой огромный район и при таком способе передвижения по нему. От Елизова до Мильково без пурги мы добирались за пять дней. Областные работники — председатель облисполкома, секретарь обкома партии в течение года делали один обезд Камчатки. Около месяца длился их путь от города Петропавловска до Усть-Камчатки или до Усть-Большерецка. А летом на слухачных судах, большей частью на рыболовных, попадали в Корякский район, расположенный на западном побережье, в Усть-Камчатск и на Чукотку (она в то время входила в Камчатскую область Хабаровского края). Из Хабаровска начальство приезжало редко, а из Москвы тем более. И главное, о чем мы ставили тогда вопрос — это о дороге из Мильково в Петропавловск.

Как известно, развитие глав-

ной отрасли Камчатки — рыбной промышленности начинается с 1928 года, а отсюда и развитие всех других отраслей хозяйства Камчатки. Вот, например, сельское хозяйство. Вырастили, скажем, мильковские колхозники богатый урожай картофеля и капусты, а как его сбыть? В Петропавловск нет автомобильной дороги, а в Усть-Камчатский район нет водного транспорта.

Нужны мильковским колхозникам хлеб и промышленные товары, их надо везти с материка через Владивосток, а у нас отсутствует флот. Заключение наше правительство договоры на фрахт пароходов с японскими, английскими, китайскими и другими владельцами пароходов. По 1000 золотых рублей в сутки платили, а пароходы были тихоходные, из Владивостока до Петропавловска по 8—10 суток шли. Сколько пароходов японские капиталисты утопили по пуги из Владивостока на Камчатку! Не удивляйтесь, именно утопили. Им было это выгодно, потому что за каждый погибший пароход, конечно, если доказано, что его гибель произошла не по вине капитана, владельцы получали стоимость судна. К тому же было выгодно уничтожить наше рыболовецкое имущество, так как это задерживало развитие нашего рыболовства и давало возможность японским капиталистам хищнически уничтожать наши рыбные запасы.

Я могу рассказать об одном из таких случаев потопления японцами своего же судна, зафрахтованного нами для перевозки из Владивостока груза в рабочих на рыбную путину.

Японское судно в апреле везло рабочих с семьями, дома в разобранном виде, промысловое снаряжение (сети, снасти, ставные невода и т. п.). Большинство рабочих ехало по морю впервые. Но случайно на

пароходе находился один камчатский пограничник. Было 6 часов утра. Вдруг толчок. Многие проснулись, стали выскакивать на палубу, но их успокоили: «Все в порядке. Надо спать». Рабочие успокоились, судно продолжало идти. Но опытный пограничник понял, что не все в порядке. Судно резко изменило курс, стал заметен крен и через некоторое время японские матросы пошли к шлюпкам. Пограничник потребовал, чтобы матросы отошли от шлюпок. Видя, что его не слушают, он применил оружие. Это сразу озадачило матросов. Тогда пограничник дал команду, чтобы рабочие спускали шлюпки, на них пересаживали женщин и детей. Из бревен быстро сколачивали плоты, перегружали на них рабочих и команду судна. На последнюю шлюпку посадили капитана, погрузили судовые документы. Туда же сел пограничник. Пароход пошел ко дну.

Вскоре подошел наш катер, который взял пассажиров из этой шлюпки и отвез в порт Петропавловск. А через некоторое время к месту происшествия подошел японский военный корабль, который искал среди шлюпок и плотов капитана погибшего судна, но его уже успели увезти в наш порт. Вскоре подошло наше судно и спасло всех пассажиров, в том числе и японских матросов. А военный корабль ушел, спасать японских матросов он не стал.

В Петропавловске выяснилось, что это была самая настоящая диверсия. К счастью, всех людей спасли, погибло лишь все, что везли для оборудования нового рыбопромышленного завода.

А в 1933 году в Усть-Камчатске ждали горюче-смазочные материалы, так как промышленный груз, находящийся на усть-камчатских складах и предназначенный для жителей долины реки Камчатки, невозможно было поднять вверх по реке из-за отсутствия этих материалов. Стояла уже осень, и судоходство по реке Камчатке скоро должно было прекратиться. Наконец, фрахтовый пароход — то ли японский, то ли английский — прибыл (тогда танкеров еще не было). Быстро разгрузили его и оказалось, что вместо горюче-смазочных материалов в бочках под пломбами... была обыкновенная морская вода!

И вся долина Камчатки осталась не снабженной продуктами питания, а охотники — снаряжением. Вот как вредили! Таких примеров очень много можно привести.

(Продолжение следует)

И ЗА ГОРИЗОНТОМ ОПЯТЬ ГОРИЗОНТ

(Продолжение. Начало в № 117 за 30 сентября 1982 г.).

Итак, нас с женой направили работать в разные школы. Ее — в Верхне-Камчатскую, а меня — в Шаромскую. Вот так, позвали меня в обком комсомола и говорят:

— Двухкомплектных школ нет, а если вы оба поедете в Шаромы, то в Верхне-Камчатске школа не будет работать из-за отсутствия учителя.

И пришлось согласиться. Дочь поехала с матерью. Хотя расстояние между селами и 30 километров, но из-за отсутствия транспорта и частых пург это стало проблемой. А еще через два года, в 1930 году, меня назначили завгоррайоно в г. Петропавловск, а жену оставили в Верхне-Камчатске, по той же причине: отсутствие учителей.

Хочу сказать о большой дальности жидкости и организатора нашего государства В. И. Ленина. Он говорил, что надо более развитому народу помогать в деле развития более слабого народу. Помочь ему вырастить свои собственные кадры, и тогда оба народа станут равны. Посмотрите, как было с кадрами Камчатки. Даже людей с семилетним образованием здесь было мало. Сплошная почти неграмотность. А много ли грамотных кадров, преданных Советской власти, было вообще в то время на Дальнем Востоке? В Хабаровске с 1922 года работал один педагогический техникум, который готовил учителей начальных

школ на весь Дальний Восток. Много учителей и заведующих избами-читальнями были с семилетним образованием. Несмотря на большой недостаток в кадрах, все же партия в первую очередь послала учителей, а потом и врачей в отдаленную Камчатскую область, где тогда еще было засилье шаманов и попов.

Значит, мы помогли народам Севера, ведь сейчас они уже имеют свои великолепные кадры работников.

Вот на этом фоне будет понятнее то, о чем пойдет дальше речь. Молодое рвалось к новому, старое крепко держалось за обычаи старины. Старое без боя не сдается.

Начну с Шаром. 1928 год, сентябрь месяц. В селе около 20 домов. Не было телефона. Школьное здание примерно 7х9 метров, причем одну треть занимала русская печь. 17 учеников в возрасте 8—15 лет. Сельский Совет находился в с. Пушино, там же жил председатель сельполкома Т. Маляхов. Никакой общественной организации в селе не было. Все взрослое мужское население, начиная с 16 лет, с осени уезжало на охоту. В селе оставались женщины и дети.

Осенью уезжали на охоту верхом на лошадях. Этот период охоты назывался «осеновкой». Потом, когда выпадал снег, ехали на собаках. Охотились на пушного зверя: соболя, лисицу, горностая. Находились на охоте до декабря.

Затем приезжали охотники

на полмесяца домой. Надо сказать, что дров на зиму не заготавливали. Привозили так называемое «долготье» — вроде жердей, и на каждый день женщины с детьми пилили дрова. В домах были русские печки. На растопку клали так называемую «подсуху», а сверху — березовые сырые дрова. На «подсуху» шла боярка, здешнее название — «харема». В это же время подвозилось сено. Сена для коров заготавливалось немного, примерно пудов 50. Жил скот впроголодь. Корова была чуть больше хорошей козы. Лошадей на зиму угоняли в лес, и целую зиму они паслись на хвощах, никем не охраняемые. Весной их пригоняли домой. Надо сказать, что вид у лошадей был хороший, упитанный. Летом на лошадях ездили только верхом. Ни одной телеги в камчатских селах в то время не было.

Выполнялись общественные работы: вывозились столбы на телефонные линии, строились мосты. Все подготовительные работы делались весной, после охоты, а летом строили.

У каждого домика был небольшой огорожок, где для себя сажали немного капусты и чуть больше картофеля. На зиму заготавливали луговое растение — его корень, так называемую сарану. Это была приправа, вроде лука. Весной употребляли черемшу, но впрок почти не заготавливали.

Шкуры убитых зверей (медведей, баранов, оленей и до-

машних животных) выделяли сами. Дубили корой деревьев. Нитки делали из крапивы. С осени крапиву заготавливали, потом вручную ее мяли, и на коленях скручивали в нитку и шили из выделанных шкур обувь. На подошву шла коровья или медвежья шкура.

Надо сказать, что у некоторых были швейные машинки, но предпочитали шить вручную, и в этом деле женщины были искусные мастерицы.

Кстати, камчадалы почти не курили. Они за губу клали «лемешину», которую приготавливали из табака и пепла губки (гриб с черной березы). Мне старики рассказывали: «Если ставить на соболя капкан и курить, никогда к капкану соболь не подойдет: дым чует. А если лемешину за губу класть, это соболь не чует. Если курить, то на лыжах ходить трудно. Задыхается охотник, а если лемешину за губу класть, то чувствует себя лучше. И зимой от нее теплее». Но фельдшер мельковский — Михаил Михайлович Савин тогда же говорил, что от лемешины можно получить рак губы, т. к. лемешина раздражает кожу, а за губой кожа нежная. Значит, лучше не курить и лемешину не употреблять.

Ну, вот, кажется, вкратце и быт тех далеких лет я довольно подробно описал. Теперь можно приступить к описанию работы учителей, комсомольцев и пионеров тех лет.

(Продолжение следует).

И ЗА ГОРИЗОНТОМ ОПЯТЬ ГОРИЗОНТ

(Продолжение. Начало в № 117 за 30 сентября и в № 118 за 2 октября 1982 г.).

Я уже начал описывать, как попал в село Шаромы, как мы хотели под предлогом неподготовленности школьного здания взять часовню, и как М. Г. Логинов отдал под школу свой дом. Учащиеся оказались очень смысленными. Вскоре я разделил их на 1 и 2 классы. Занимались в одну смену, но по разным программам. Такие ученики, как Нюра Логинова, Даша Машихина, Филарет Атласов, Федор Плотников, Иван Зимин и другие, как быстрее усвоившие программный материал, стали учениками 2 класса, и я с ними больше занимался.

В стране тогда развернулась культурная революция. Школа наша стала центром борьбы с неграмотностью взрослых. Мои ученики мне очень помогали в ликвидации неграмотности среди своих мам и старших сестер — мужское население находилось в лесу, на охоте.

Все, что ученики узнавали в школе, они передавали дома родителям. Это я скоро понял, когда, собирая население на занятия по ликвидации неграмотности, с удивлением обнаружил, как быстро усваивают мои учащиеся-взрослые буквы. А

потом выяснил, что мои ученики стали мне помощниками. Они дома показывали буквы и рассказывали все, что слышали от меня.

Я стал заслушивать учащихся. Вот одна девочка говорит: — Моя мама уже читает и пишет «Маша ела кашу».

— А моя уже на другой странице читает и даже пишет.

Я начал проводить как бы консультации со своими учениками, и дело пошло. По существу, на занятиях с родителями я только проверял домашние задания, которые делали мамы моих учеников.

К концу учебного года в селе не осталось среди женщин неграмотных. Ученики организовали между собой соцсоревнование: кто скорее обучит своих мам и старших сестер грамоте. Учитель был только направляющим лицом и контролером за ходом ликвидации неграмотности.

Организовали самодеятельность. Желание было большое, но не знали, как делать. Начали с разучивания песен. Ребята знали только «взрослые» песни: «Вниз по Волге — реке», «Рябинушку», «Когда я из почты служил ямщиком». Разучили мы революционные песни: «Варшавянку», «Марш Буденного», «Красную Армию»,

«Мы кузнецы», «Наш паровоз», и пионерские. Очень хорошо, что, участвуя в педагогическом техникуме, я работал в одной из хабаровских школ старшим пионервожатым. Опыт мне пригодился. После того, как у нас организовался хор, стали изучать стихотворения. Разучили несколько гимнастических упражнений, «пирамиды» научились делать. Несколько сценок из школьной жизни подготовили.

Первый вечер школьников превзошел все ожидания. В школу собрались все взрослые шаромцы. Когда учащиеся запели, начали подпевать и родители, а пели они хорошо. Оказывается, пока ученики разучивали эти песни, вместе с ними разучили их и родители учеников. Получился большой хор. На следующую субботу к нам приехали жители из Пушкино, Верхне-Камчатска, Мильково и из Кирганика. Потом приезжали даже из Машуры. Велика была тяга населения к культуре, а школа и стала тем культурным центром, к которому тянулось население.

Ученики наши ходили именниками. В школе ребята находились с утра до вечера, пока за ними не приходили в дом.

Я уже говорил, что в селах

тогда не было принято готовить дрова на зиму: их пилили на один день. И вот тут тоже помогла школа: стали ребята готовить дрова на неделю, чтобы их не отрывало это дело от любимых занятий в школе.

Кроме подготовки самодеятельности, ребята готовили материалы к выставке. Мальчики вырезали из дерева человеческие фигурки, делали нарты, изображения собак, а девочки шили костюмы. Все были увлечены этой работой. Потом мы все экспонаты отправили в Москву.

Через учеников проводили мы и разъяснительную работу по распространению государственных займов. Объясним ребятам, что такое индустриализация страны, ребята дома родителям расскажут. Соберутся родители в школу и уже легче им разъяснить. Подписывались на займы родители охотно, понимали, куда шли их трудовые сбережения.

Учились и ученики, и взрослые с большим желанием. За один год половина учеников сразу окончила 1 и 2 классы. Организованный пионерский отряд работал с большой охотой. Через этот отряд, через своих учеников учитель проводил всю работу с населением, а работы было очень много: все

ведь для населения было новым.

Эта работа заинтересовала и юношескую часть населения. Стали они поговаривать об организации комсомольской ячейки. Афанасий Зимин, Николай Докучаев и Василий Мерлов впервые в селе организовали комсомольскую ячейку. Секретарем был избран учитель.

Много сделали комсомольцы. Помогли сельскому Совету правильно определить самообложение на нужды села. Была застрельщиками всех проводимых мероприятий: подписки на заем индустриализации, подписки на газеты и журналы. Участвовали в ремонте и постройке новых мостов. А при организации в 1930 году колхоза первыми вступили в него, стали, по сути, его организаторами.

Надо сказать, что все старое во главе с мельковским попом Мазуром здорово тормозило проводимую работу, и как только этот тормоз был убран, с удвоенной энергией принялось население камчатских сел строить новую жизнь. Прямо на глазах менялась жизнь населения. Сельчане потянулись в колхозы. На смену старой спячке, которая была во всех селах Камчатки, пришла кипучая жизнь.

Смотришь сейчас на любое село долины и не узнаешь: как все шагнуло вперед. Ох, как хочется еще пожить и посмотреть на жизнь — какой она станет через десятилетия!

(Продолжение следует).

И ЗА ГОРИЗОНТОМ ОПЯТЬ ГОРИЗОНТ

(Продолжение. Начало в № 117 за 30 сентября, в № 118 за 2 октября и в № 119 за 5 октября 1982 г.).

После большой разъяснительной работы с населением села Шаромы к весне 1929 года решился вопрос о ликвидации часовни. Сельчане согласились отдать часовню в распоряжение комсомольской организации села.

Залез я на крышу часовни, а остальные комсомольцы колеблются: а вдруг что-нибудь случится? Очень трудно новое прививается. Ученики мои и те куда-то попрятались. Один Филарет Атласов около часовни был. Рубанул я топором, а крест из лиственницы, как стальной. Звенит топор и отскакивает. Ударил я несколько раз. Видит народ — никакого чуда не случилось: гром не грянул, молния не сверкнула и меня с крыши не сбросило. Вышел тут комсомолец Афанасий Зимин. Попросил я его пилу принести. Залез он на крышу, и спилили мы с ним самый большой крест, а два других поменьше комсомольцы с пионарами спилили.

Небольшое, конечно, это дело — крест спилить, но в то время, после трехсот с лишним лет царствования Романовых да церковных в это была громадная победа. Убедилось население, что никакой сверхъестественной силы нет.

Ну, а слух об этом по всей Камчатке разнесся. И когда меня перевели в 1929 году работать в село Мильково, «встреча» мне была подготовлена.

Лето мы с женой и дочерью провели в Петропавловске. К началу учебного года поехали в Мильково: я — верхом на лошади, а жена с ребенком — на тральщике через Усть-Камчатск, а дальше по реке Камчатке на катере до с. Машура, а оттуда до Мильково — на батах. Что-то около полутора месяцев длилось ее путешествие. Я добрался до Мильково поздно вечером. По дороге догнал двух рабочих, которые пробирались куда-то в долину Камчатки. Они купили в с. Шаромы бат. Чтобы мне было легче ехать, я свой выюк с продуктами отдал им, а сам налегке поехал на лошади. Условились, что утром я встречу их в Мильково на берегу реки.

Приехал я в Мильково уже затемно. Заехал на огонек. Это был дом Спиридона Толмана. Встретили меня очень неприветливо, но так как было уже темно, поместили на ночлег в амбаре, даже не пригласив к столу.

Надо заметить, что камчадалы были очень гостеприимные, и, конечно, я весьма удивился такому приему. Постелил якукуль. Свечка у меня была, зажег я ее, а на полке — буханка белого хлеба. Так мне есть за-

хотелось, что с трудом я поборол желание отрезать кусок хлеба. Скорее погасил свечку, чтобы спастись от соблазна.

Утром встал пораньше. Перевязал лошадь, сходил умыться, жду когда к завтраку позвонят. А вместо этого ко мне прислали посыльного, который проводил меня к председателю сельисполкома И. Я. Демидову. Вместе со мной тот стал ходить по селу, спрашивая, кто бы взял учителя на квартиру. Многие под разными предлогами мне в квартире отказали.

А причина-то была одна: приехал учитель-безбожник. Такого на квартиру пускать — грех на душу брать.

Около обеда, или даже позднее, мы нашли добрую душу, которая пустила на квартиру учителя-безбожника. Это была жена Андрея Николаевича Плотникова. Очень добрая, да, кстати, и передовая женщина по тому времени. Забегая вперед, скажу, как она показала себя. Когда весной 1930 года (мы уже не жили у них на квартире) переехало население здание церкви под клуб, она первой из женщин вбежала в алтарь и лихо протанцевала там польку, говоря при этом: «Вот и наше право наступило — зайти в святая святых церкви, да еще и станцевать».

Дело в том, что по церковному закону женщинам и кошкам строго-настрого запреще-

лось заходить в алтарь (это передняя часть церкви). Если случайно женщина попадала в алтарь, то после нее там происходила служба церковная по освящению алтаря. То же самое делалось и после кошки. И вот, лихо отплясывая на алтаре, Плотникова навсегда рвала со всем старым.

Найдя квартиру, я пошел на берег за своими вещами, которые должны были прибыть на бату. Но мои товарищи приплыли только на следующий день. Около двух дней я был голодным. Тогда столовой-то не было, а пойти попросить еду я стеснялся.

Потом все уладилось. Опять забегая вперед. В 1954 году я, будучи на учительской конференции в г. Хабаровске, встретился с женой Спиридона Толмана — Анной Александровной. Она, как член партии, приезжала по делам в краевой комитет КПСС. Сказала она мне:

— Вот, Александр Михайлович, вспоминаю и совместно мне становится. Вы привезли нам новое, а мы вас так встретили: ужином не накормили, голодным в амбаре спать уложили, а утром без завтрака отправили. Приезжайте сейчас. В любой избе в передний угол усядим. От всего народа большее вам спасибо говорю за то новое, что вы нам дали.

(Продолжение следует).

И ЗА ГОРИЗОНТОМ ОПЯТЬ ГОРИЗОНТ

(Продолжение. Начало в № 117—120).

Мильково тогда было самым большим селом на Камчатке. Около 325 жителей избирательного возраста (с 18 лет). Членов сельсовета — 33 человек во главе с председателем сельисполкома Исаем Яковлевичем Демидовым, членом партии. Душа-человек, но политически был не развит. «Все люди — братья» — вот была его основная заповедь.

Аркадий Плотников был секретарем сельсовета. Это был грамотный человек, но сын элитного крестьянина. Ему как-то не доверяли. Он был тем не менее исполнительным работником.

Был в Мильково медицинский пункт, которым заведовал фельдшер Михаил Михайлович Савин, имевший большой опыт медработника. Раньше более 10 лет он плавал на судах Доброфлота. Была акушерка — жена М. М. Савина — Любовь Яковлевна и санитарка Вера Павловна. Эти работники обслуживали район от Мильково до Машуры в одну сторону и до с. Пушино — в другую. Но больше разъезжал сам Михаил Михайлович. Он и лечил, и проводил профилактическую работу. По приезду в село фельдшер шел «по больным», а вечером обязательно собирал всех жителей села и читал им лекции на медицинские темы. В каждом селе у него был актив из опытных старушек, которые в его отсутствие проводили прием новорожденных. С этим активом он проводил также практиче-

ские занятия. Главное — требовал чистоты. И, надо сказать, чистота в избах была идеальная.

Эта медицинская тройка работала в Мильково с 1927 по 1930 год. Потом Михаил Михайлович с Любовью Яковлевной до 1932 года работал в с. Паратунка, где он и погиб. Любовь Яковлевна выехала на материк. С 1930 года в Мильково стали работать врачи.

В это же время в Мильково работал заведующий избой-читальней Борис Гуртовенко — член партии. Окончил он Хабаровскую совпартшколу. Помещение избы-читальни было ветхое, но с 1930 года население отдало под клуб здание церкви.

Кстати, эту церковь строили 25 лет. Из инструментов были ножи, топоры, рубанки. На доски бревно кололи топорами пополам. Значит, из каждого бревна получались две плахи. Каждую половину бревна тесали топорами и строгали рубанками. Вот, рассказывали старожилы, в 1916 году приехал в Мильково генерал-губернатор Камчатки Мономахов с казаками. Собак в одну нарту для губернатора запрыгали 24 шуги. Два каюра было на этой нарте. Делали такой крытый возок, чтобы тепло было. Даже ставили там камин. Ну, а сзади на других нартах ехали казаки. Приехал губернатор в Мильково и созвал на площади, где строили церковь, всех жителей. Сделали казаки козлы, накатили бревно и стали показывать, как нужно пилить

продольной пилой, а потом дореволюционную молодежь стали учить. Ну, кое-как обучили, и говорит губернатор старикам:

— Вот буду возвращаться из Усть-Камчатска, и если вы за это время не научитесь пилить бревна на доски, то всех стариков прямо на глазах у жителей села прикажу выпороть.

Но не удалось ему эту угрозу выполнить. К его приезду несколько человек научились так пилить. А когда губернатор уехал, то пилы иступились и поломались, а церковь так топорами и достроили. Сейчас эта церковь в середине бывшего здания Дома культуры стоит, а раньше, уже без крестов (срубили их в 1930 году, вернее, спилили), она так и была избы-читальней, а потом клубом.

Было в селе почтовое отделение в доме у А. Н. Костромина. Сам Александр Николаевич был «справный» крестьянин. Были у него и лошади, и коровы. В здании почты находился телефон. Александр Николаевич проводил подписки на периодическую литературу и газеты. Только с материка приходили они тогда раза два за год: так ходили пароходы, а самолетов-то тогда не было. Его участок был от Машуры до Ганал. Вся телефонная связь была в распоряжении А. Н. Костромина.

Был ветеринарный фельдшер Статюкевич, который жил около школы, а район его работы от Машуры до с. Малки. Главным образом он лечил лошадей.

Был в селе магазин кооперации, но я уже писал, что с продуктами было очень плохо, а промтоваров почти не было. Председателем правления кооперации был коммунист Родионов.

Ну, и начальная школа существовала с двумя учителями, а учеников было человек до ста. С первым и вторым классами занималась учительница А. В. Новикова — моя жена, а с третьими-четвертыми занимался я. Занятия шли в две смены.

Таким образом, в Мильково к 1930 году было несколько коммунистов: Родионов, Гуртовенко, Демидов, Подкорытова. Секретарем комсомольской организации был я. Среди комсомольцев были С. Ворошилов, К. Подкорытова, П. Плотников. А остальные фамилии и имена я уже забыл, но было нас 10 человек. А в 1930 году была создана еще и кустовая комсомольская организация учителей сел Машуры, Кирганика, Мильково, Верхне-Камчатска и Шаром. Учителя часто съезжались к нам в Мильково по субботам вечером или рано утром по воскресеньям. Обсуждали все вопросы комсомольской работы, а она была неотъемлемой частью всей нашей культурно-просветительной деятельности на селе. Вот сообщал и решали все эти вопросы на таких кустовых собраниях. Ни райкома партии, ни райкома комсомола, как я уже упоминал, тогда не было.

(Продолжение следует).

И ЗА ГОРИЗОНТОМ ОПЯТЬ ГОРИЗОНТ

(Продолжение. Начало в № 117 — 121).

Больше всего нашей работе мешал поп. Прямо в церкви с амвона говорил верующим:

— Братья верующие, что мы смотрим на этих коммунистов и комсомольцев? Они только здесь остались, а на материке их давно прогнали. Давайте дружно возьмемся и прогоним их, и тогда будем жить хорошо, как до этого жили.

А надо сказать, что зажиточные до революции и здесь жили неплохо. Торговали или были посредниками японских торговцев, ну, а некоторые возе них «кормились». А тут они всего этого лишились. С материка пароходы редко ходили. Я уже писал о причине.

Отговаривал поп и женщин ходить на занятия по ликвидации неграмотности. Он говорил им: «Блажен, не идущий на собрание неверующих». Словом, поп был тормозом всего нового.

Надо сказать, что жители плохо знали библию и другие «заповеди божьи». Вот собрал я однажды старичков настел

веры. поговорить. Вроде диспута устроил. Позвали и попа, но он не пришел, опять со своим: «Блажен муж, не идущий на собрания нечестивых». Ну, собрались старички, а мы им и кинокартину подготовили (я кроме учительской работы по вечерам еще и кинокартины показывал). Тогда у нас в Мильково кинопередвижка на зиму осталась и три фильма. Вот я вроде аппарат подготавливаю, а сам разговор веду. Знал я немного церковно-славянский язык, хорошо знал «закон божий». Ну, задал вопрос, а мужички-старички, как говорят, ни в зуб ногой. Я другой им вопрос — результат тот же. И выяснилось, что мильковские верующие ничего не знают в «священном писании». Это не материковские мужички, не баптисты.

Спрашиваю:

— Почему же в бога веруете, если ничего из «закона божьего» не знаете?

А они в ответ:

— Отцы верили и нам велели, а вера нам не мешает.

Вот, думаю, с одной стороны это хорошо, а с другой — плохо. Трудно доказывать, что вся их вера — ерунда, если они в церковных тонкостях не разбираются.

Дело было под «рождество Христово» — 6 января по новому стилю его празднуют. Вот вечером мы в школе ребятам опыты показывали. А всего-то у нас из приборов было: электрическая батарейка и фонарь, электровозок, эбонитовая палочка. Михаил Михайлович Савин из медпункта дал электромашинку. Вот и весь наш школьный запас, но при желании и из этого многого можно сделать.

Заинтересовали мы учеников. Просят они продолжить опыты, а мы обещали на завтра им все показать.

— Так ведь завтра воскресенье, — говорят ученики.

— Вот, чтобы у нас уроки не пропадали, мы в воскресенье и покажем опыты.

Сто процентов ребят пришло в школу, а не в церковь на молебен. Даже Поликарп

Плотников, который попу в алтаре прислуживал, и тот в церковь не пошел. А ведь я сам, когда еще в 1 или во 2 классе учился, так завидовал Мише Малкову из нашей школы, когда тот попу в алтаре прислуживал. Значит, заинтересовали ребят. Очень они всем новым интересовались.

А тут в Мильково вскоре секретарь обкома партии товарищ Зыкин приехал. Как узнал, что учеников за это воскресное посещение школы целых две недели на занятия не пускали, попросил он меня учеников на собрание собрать. И спрашивает ребят:

— А ну-ка поднимите руку — кого за то, что в школу пошел в воскресенье, а не в церковь, дома порол?

И поднялась сотня рук. Оказывается, всем попало.

— Ну, а где вам интереснее было — в школе или в церкви?

Ну, и опять все в один голос:

— В школе, конечно, интереснее.

— Значит, нам церковь нужна, только мешает нам — так или нет?

— Так! — в один голос ученики.

— Ну, так давайте письмо газету напишем: как мешают нам церковь.

Написали такое письмо «Камчатскую правду», и все ученики его подписали.

А что началось на другой день! Почти все ребята стали просить, чтобы вычеркнули подписи из того письма. Мы понять не можем в чем дело. Почему такое желание появилось? Только через несколько дней узнали, что пустили в селу слух, что родителей подписавшихся под письмом будут арестовывать и вывозить на материк. И опять этот слух активно распространял по селу. Собрали родительское собрание вместе с ребятами, и там выяснилось, что это все дело попа и кулаков. Представили кулацких семей и на собрании говорили:

— Почему раньше-то ученики не просили, чтобы не мешали праздновать. Как «святое» праздник — и в это время школе каникулы делали. Зачем друг другу мешать?

И в таком духе продолжали. Но товарищ Зыкин крепко все населению растолковал. (Продолжение следует).

И ЗА ГОРИЗОНТОМ ОПЯТЬ ГОРИЗОНТ

(Продолжение. Начало в № № 117 — 122).

Вскоре попа судили за анти-советские дела, и кулаков из села увезли. Легко мы все вздохнули. А то ведь сельчане перестали с нами здороваться. Увидят — и отвернутся. В магазине ничего не было, и угасения ничего не купишь. Некоторые жители, из наиболее сознательных, ночью, таясь от соседей, приносили нам продукты: молоко, картофель и капусту.

Так до февраля месяца 1930 года жили. А как попа убрали, вроде бы на селе свободнее стало. И здороваться с нами все опять начали.

Мне Виктор Анисимович Михайлов, старый мельковчанин, председельсполкома однажды рассказывал, как еще при цареве его поп по рукам (надо подставить ладошки, а поп бьет по ним линейкой) отлучил за то, что молитву не читал.

— Возненавидел я тогда этого попа, а как отомстить — не знал. А жили мы от школы близко, так я при каждом удобном случае на угол школы воду лил, чтобы скорее

сгнила, — говорил Виктор Анисимович, смеясь. — А теперь мне, как председателю сельсовета, надо о школе заботиться и ремонт школьному зданию делать в первую очередь.

Все учащиеся школы были пионерами. Только в четвертом классе старшие ребята были комсомольцами. Трудно им приходилось. Родители-верующие под угрозой проклятия и изгнания из дому запрещали им быть в комсомоле. Тогда ребята переходили в «подполье», но в комсомоле состояли. Особенно мне запомнился Кузьма Лихачев из Толбачика. Стойкий был комсомолец.

Вот еще случай. Под влиянием поповской агитации мужички решили не возить дров в школу, мол, в холодном помещении заниматься не будут. Ну, я обратился к комсомольцам. Так вот, ребята-комсомольцы, когда родители легли спать, запягли собак, съездили в лес, привезли бревна, а потом попилили их на дрова. Ни одного дня занятий в школе не сорвалось. После я узнал, что часть родителей знала, догадывалась о замыслах своих

детей, но делала вид, что ничего не знают.

Поп и его приверженцы тормозили работу и по ликвидации неграмотности. Пришло как-то отношение из райисполкома об организации ликбеа для женщин. Коммунисты как раз везли в Петропавловск на конференцию. Остались в селе из актива партийного председатель сельсовета И. Я. Демидов и я. Остальные члены сельсовета, в том числе и бывший учитель Телятьев, — беспартийные. Председатель сельсовета зачитал «бумагу» об организации ликбеа и спрашивает мнение членов сельсовета. Тут некоторые говорят:

— Так как женщины заняты с детьми, организовать ликбез невозможно.

Я попросил слово и говорю: — А как же в церковь женщины с детьми ходят?

Тут уж на меня некоторые прямо окрысились, а Анатолий Толман говорит:

— Ты, Копытин, туго струну натягиваешь, как бы не лопнула.

А другие кричат:

— Ты что, слышал, как поп

против ликбеа говорил?

Шум, крик, а председельсполкома и говорит:

— Тише, товарищи, учитель ошибся, батюшка тут не причем.

— Нет, не ошибся, — говорю я, — у меня есть данные, что поп говорил верующим женщинам: «Блажен не идущий на собрания нечестивых».

Ну, потом шум постепенно утих, кто-то и спрашивает:

— А как же женщины будут писать — с детьми на руках?

— Это уж наша забота, надо только, чтобы пришли.

Ну, вот пришли женщины в школу, да все с детьми, а мы уже подготовились: вдоль одной стены поставили столы. Женщины уложили на них своих младенцев, а сами пишут за другими столами. Комсомолки за детьми присматривают, а я занятия веду. Чей ребенок заплачет, мать выйдет — покормит, перепеленает, и снова ребенок спит, а мать занимается. Так и пошла у нас работа по ликвидации неграмотности. Дома ученики родителям помогали, как было в Шаромах.

(Продолжение следует).

И ЗА ГОРИЗОНТОМ ОПЯТЬ ГОРИЗОНТ

(Окончание. Начало
в №№ 117 — 123).

Еще несколько слов о мельковском попе. За все антисоветские проделки был он арестован в январе 1930 года, в самые крещенские морозы. Приехавший оперуполномоченный и три человека из верующих — так называемые понятия — пошли с попом в церковь, а потом и к нему на квартиру, для производства обыска. И оказалось, что в то время, как все в Мильково фактически жили впроголодь, продуктов питания не хватало, а о сахаре уже и забывать стали. И священнослужителя одна половина квартиры была буквально завалена продуктами питания.

Особенно удивились этому понятие, люди-то они были все же простодушные:

— Вот ведь, при беседе с нами батюшка всегда говорил, что вместо чая ромашку заваривает, так как чая давно, мол, нигде нет, а у самого этого чая целые ящики — да еще байхового!

И этим самым здорово тогда авторитет попа на селе был подорван, и это помогло быстрее мельковчанам от церкви отойти. Поэтому-то и колхоз свой первый они назвали тогда «Безбожник».

Как я уже говорил, после того, как попа, а затем и кулаков убрали из Мильково, жизнь в селе наладилась. Как будто пелена какая-то с глаз населения спала. Развернулась комсомольская работа. В клубе стали спектакли ставить. Народ на все проводимые общественные мероприятия легко откликаться начал.

И вот встал перед нами вопрос об организации колхоза. Главная трудность заключалась в том, что никто не имел опыта такой организаторской работы, а литературы с его описанием еще было мало.

Основное — надо было середняков в колхоз вовлечь. Беднота сельская всей душой была за коллективное хозяйство, да у нее, как говорится, ни кола, ни двора. А как колхозу без хозяйства? И вот каждый че-

чер стали мы собирать таких «крепких» хозяев, как Подкопытов, Толман, Решетников... Много всплывало вопросов и проблем, часть которых решали сразу, а часть оставляли «на потом».

Но к весне все же большинство середняков согласилось вступить в колхоз.

Организовали мы колхоз. И служанке в него вступили — чтобы крепче хозяйство было. Членские взносы платили.

Вспоминается, как первый раз мельковские колхозники пахали плугом. Раньше-то в селе каждый для себя лопатой вскапывал огород: много ли надо для себя картошки и капусты?

Прислал райисполком еще зимой на карте одноконный плуг. Ну, просохла земля, пора пахать. Собралось на Кухитке все село: первый раз за всю историю села землю пахать будут! Ведь такого чужа никто из сельчан еще не видел.

Запрягли в плуг одну лошадь, а она не тянет. Пару за-

прягли — тоже не берет. Ну, тут же, среди собравшихся были опытные крестьяне: започтой Костромин, ветфельдшер Статюкевич, и мы с Гуртовенко крестьянское дело знали. Решили, что больше лошадей надо запрячь, ведь они были слабые — всю зиму на подножном корму в лесу жили. Словом, запрягли пять лошадей. Это в одноконный-то плуг! Пять человек — каждый лошадь за уздечку держит, а шестой взялся за ручки плуга. Лошади не дружные, парами ходить не умеют, под выюками да под всадниками одна за другой привыкли ходить. Одна дернет, другая стоит, третья за постромки перешагнет. Мученье, а не пахота.

Но постепенно дело наладилось. И посмотрите, какие теперь мастера пахоты в Мильково живут, и работают на славу.

А ведь в Сероглазке, при первой пахоте колхозники хотели в плуг собачек запрячь. А в селе Малки без барки (эго

на плугу поперечная рейка, к которой постромки привязываются) решили пахать. Привязали постромки прямо к крюку у плуга и к гужам. Постромки трут лошадь, не дают ей идти, а малкинцы в райисполком звонят, чтобы агронома прислать — плуг, мол, неисправен. И ведь ездил агроном за сто тридцать километров помочь малкинцам оказывать. Вот уж ему, как специалисту, наверное, смешно было. Ведь на материке-то в деревнях всякий мальчонка в таких делах разбирается.

Однако, что поделаешь — ведь на Камчатке все эти новшества были впервые. Зато как теперь развилось в области сельское хозяйство!

А тогда, в 1930 году, мы только мечтали, как будем снабжать рабочих в Усть-Камчатске картофелем и овощами, а потом будем и в областной центр овощи отправлять — как только построим туда дорогу. На строительство этой дороги в ближайшем будущем крепко надеялись. Но война отодвинула осуществление всех наших планов...

Публикацию воспоминаний
Александра Михайловича
Копытина подготовил
В. ФЕДОРОВ.